

В фонде М. Н. Сперанского сохранился документ с поправками рукой В. М. Истрина «В защиту Отделения русского языка и словесности. По поводу проекта о слиянии II и III отд. в Отделение истории и филологии» (1925), где, в частности, говорится: «Момент уничтожения под тем или иным именем II Отделения русского языка и словесности является самым подходящим. Вот уже шесть лет как систематически уничтожается все русское, все национальное, как разрушают все культурные и духовные ценности, тысячелетия русской исторической жизни, когда русское имя вычеркнуто даже из названия государства, в такое время исключение из списков АН „Русского“ отделения несомненно будет встречено в известных сферах с нескрываемой радостью и удовлетворением... Гражданский долг и ответственность перед родиной, чувство национальной гордости, одним словом все то, что известно под опасным в настоящее время словом „патриотизм“, заставляет громко протестовать против новой попытки еще в одном месте вычеркнуть русское имя. Наш долг — указать власти на недопустимость нанесения такого оскорбления русскому национальному чувству в мировой области наук» [11, л. 76].

Но разделение наук на естественные и общественные все же состоялось. Немалые мытарства претерпела Словарная комиссия. Она, правда, получила особое помещение, куда были переведены все рукописные материалы, «было положено начало и образованию необходимой подсобной библиотеки» [12, с. 1665], но спасти академический Словарь русского языка уже не удалось. На одном из заседаний Словарной комиссии А. И. Соболевский выступил с предложением об организации подкомиссии по собиранию материалов для словаря древнерусского языка и стал ее председателем. В докладной записке А. И. Соболевского [13] излагается первоначальный план сбора материалов для нескольких картотек: 1) для словаря древнего церковнославянского языка (в архиве есть его записка «Несколько мыслей о словаре древнего церковнославянского языка») [14]; 2) для словаря как церковнославянского, так и древнерусского языка, пополняющие «Материалы» И. И. Срезневского, т. е. словарные извлечения из памятников русского письма, составленных или переведенных не позднее XIV в., по сп. XI—XVII столетий; 3) для словаря старого языка Московской Руси по памятникам литературы, законодательства, делопроизводства, оригинальным и переводным, XV—XVII вв.; 4) для словаря старого языка польско-литовской Руси по памятникам XIV—XVII вв.

Как представляется сейчас по отрывочным документам и косвенным свидетельствам, при начале собирания картотек появилась и вторая точка зрения на концепцию древнерусского словаря² — делать выборки по памятникам письменности XI—XVII вв. для большой картотеки. В обращении неперменного секретаря к акад. М. Н. Сперанскому от 3 июля 1927 г. именно ему предлагается составить Записку о планах создания словаря. Точка зрения М. Н. Сперанского изложена в его «Записке о составлении древнерусского словаря», написанной в 1927—1928 гг. и направленной руководству Словарной комиссии с просьбой предусмотреть также печатный орган для публикации лексикологических докладов членов комиссии, которые делаются на заседаниях при отборе памятников письменности для извлечения. «Сколько мне известно, подобной работы не производилось ни одним из существующих вне Академии научным учреждением. Словарь,— пишет он,— должен явиться необходимейшим пособием по истории русского языка...; для сравнительного изучения славянских языков, а сверх того практическим пособием для всех, кому приходится заниматься с той или иной точки зрения русским прошлым. Академическая комиссия, кроме того, должна явиться центром, в котором сосредоточаются отдельные разобщенные труды по лексикологии старого

¹ В список источников к такому словарю должны входить «все те русские тексты, которые дошли до нас в списках не позднее XIV в. и в которых нет признаков русского происхождения».

² Косвенным свидетельством может служить сохранившийся в фонде № 172 М. Н. Сперанского (оп. I. Ед. хр. 13, л. 82) билет с обозначенной повесткой дня: 1. Два проекта словаря древнерусского языка.